

ЕЛЕНА РАЙ
ЖЕНАТЫЙ
мужчина

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Елена Рай
Женатый мужчина
Серия «Любовь на
кончиках пальцев», книга 1

<https://litres.ru/68329684>

SelfPub; 2026

Аннотация

Он заключил сделку с совестью, перейдя все допустимые границы своих моральных и этических ценностей. А я влюбилась в женатого мужчину без оглядки, сама того не подозревая. Я дала себе слово держаться от него подальше, а сердцу... не прикажешь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	27
Глава 5	35
Глава 6	41
Глава 7	48
Гл	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Женатый мужчина

Глава 1

Роман

Флешбэк

«— Ярый, там девушку доставили, — медбрат указывает глазами в сторону, где лежат уже «заштопанные». — Не думаю, что она доживёт до завтрашнего утра, — дёрнув уголком губ вверх, делает пометки в журнале. — Тётя Люба сегодня офигенные котлеты состряпала, как раз успеем, пока солдаты всё не схавали.

Многозначительно играет бровями, поставив соответствующую галочку для этой девушки. Вынес приговор, не предложив мне самому сделать этого за него. Забрал ещё один грех на свою душу. Мой грех — из тысячи подобных.

Нам некогда поднять головы.

Мы полностью живём от одного срочника до другого, не реагируя на тех, кто, возможно, бы выжил, если бы у нас было время.

Здесь царит жесткий отбор — да/нет. «Да» — вы у меня на столе. У вас есть огромный шанс выжить. «Нет» — воля судьбы, не моя вина.

Сейчас у меня есть время. Сейчас мои руки не в крови, а на мне новый белоснежный халат, выданный часом ранее

завхозом. Сейчас я – не палач.

— Нет аппетита, — вынимаю пару синих латексных перчаток из коробки, бросая на него осуждающий взгляд. — Справлюсь один.

— Это приказ? — сцепив челюсти, Варлан качает головой. — Пойду сделаю фотки с пацанами да жене отправлю, чтоб малыцу показала, а то батька дома раз в полгода бывает. Ещё любовника заведёт, — деланно закатывает глаза, при этом злясь на себя самого, что в принципе допускает такую мысль. У него жена – дивная красавица, учительница начальных классов. Вот, мужика и кроет.

— На другую реакцию и не рассчитывал, — делаю шаг в сторону, пропуская его.

— Угу, — всё не может забыть, что я за его женой в юности бегал. Этот идиот одно не понимает – выбрала она его. Всегда выбирала его, каким бы я упёртым бараном не был.

— Подожди, — останавливаю за рукав. — Шовный материал получил? — тот утвердительно кивает. — Хорошо.

— Ром, она не жилец. Там бедренная задета, — сплёвывает себе под ноги он. — Потеря крови большая.

— Документы у неё были при себе? — оглядываюсь через плечо, улавливая боковым зрением, что девушка шевельнулась, не издав ни звука. Напрягаюсь. Сужаю глаза. Вдыхаю запах. Улавливаю любые вибрации. Ничего не происходит –

заметно расслабляюсь.

— Пацаны сказали, что её ударной волной отбросило, когда она пыталась спасти детей из горящего здания. При себе ничего не было, — понуро опустив плечи, дергает собачку молнии вверх, чтобы выйти наружу.

Шумно выпустив воздух сквозь стиснутые зубы, подхватываю большой медицинский чемоданчик и стойку для капельницы. Если не спасу, смогу облегчить страдания ударной дозой первой-классной синтетики.

— Так-так...

Облокачиваюсь на кушетку, пытаюсь рассмотреть девичьи черты лица сквозь темно-багровые подтёки крови, смешанные с грязью. Ножницами срезаю первую пуговицу на рубашке, продвигаясь ниже, как вдруг она перехватывает мою руку, распахнув свои глаза.

— Хей, — останавливаюсь, оторопело делая шаг назад. — Я врач. Мне нужно тебя осмотреть, — девушка смотрит на меня, не мигая, усиливая хватку. — Я. Хочу. Помочь, — взглядываюсь в темноту её глаз, считывая реакцию и чеканя каждое слово, чтобы немного вразумить относительно происходящего.

— Прогноз, — охрипшим голосом спрашивает.

Девушка потеряла много крови, судя по пропитке ткани на штанах. А она требует «врачебный прогноз»! Так, будто мне приказ отдаёт.

— Мне нужно закончить осмотр, — отвечаю предель-

но сухо, продолжив срезать пуговицы. Распахиваю полы, обнажая грудь девицы. Вздрагивает. — Меня не интересует твоя анатомия, — подмечаю родинку под правым полушарием, в виде сердца со рваными краями, а чуть ниже комбинация цифр, разделённая точками. Уверен, что это дата. — Телефон нужен?

— Зачем? — вновь смотрит на меня. Её взгляд пробивает мою телесную оболочку, проникая глубже. Отражаю. — Меня никто не ждёт.

— Мне жаль, — уже руками разрываю тонкую ткань штанов, готовясь наложить жгут выше предполагаемого места кровотечения, но его нет. Кровь есть, но не её.

— Ни хрена тебе не жаль, — в голосе девушки столько стали, столько горечи, столько ненависти. — Вы меня уже списали, так будь любезен просто поставь мне вон ту капельницу с витаминами и иди лопай котлеты, — ухмыльнувшись, сжимает кулаки сильнее. Замечаю, что хочет спрятать что-то. Инстинкты срабатывают на опережение — перехватываю руки, навалившись сверху.

— Кто ты? — силюсь перекричать её, нажимая тревожную кнопку рядом с ней.

Здесь не больничные условия. Здесь всё иначе. Случиться может всякое.

— Не важно, — последнее, что она сказала перед тем, как разжать кулак, в котором была цепочка с обручальным кольцом. Брыкается. Пытается драться. Удерживаю.

Варлан вбегают в раскинутый госпиталь как чумной. Без раздумий набирает в шприц мощное седативное и вкалывает ей в бедро

— Ярый, что случилось?!

— Я не знаю. Хотел осмотреть, — девушка заметно расслабляется, закрывая глаза. Только хочу накинуть простыню, как Варлан меня тормозит.

— У неё внутреннее кровотечение – вскрывай!

Отборно проматерившись, идёт мыть руки, а я продолжаю тупо смотреть туда, куда мне указали – на багровое пятно, которое стало в разы ярче после того, как придавил девушку всем своим телом.

Перевернув её на бок, только усилил свои догадки. Она была в плену. Почерк характерный для ублюдков Карима и его банды.

Спустя неделю, я как обычно делал обход среди раненых, целенаправленно избегая свою пациентку. Мне казалось, что она каждый раз не сводит с меня взгляда, сжигая дотла своими чёрными глазами. Они мне снились. Пугали своей красотой и неизвестностью одновременно. Сёстры передавали мне всю информацию, поэтому моё личное присутствие в виде осмотра или перевязки не требовалось.

— Ромочка, — обвивает мою шею медсестричка, привалившись своим телом ко мне сзади. — Сегодня пошалить не получится, — разочарованно вздыхает она. — Катюшка приболела, надо подменить.

— Добавлю тебе одно внеурочное, — разворачиваюсь к милому созданию, похожему на порочного ангела. — Иди ко мне, — сжимаю хрупкое тельце, сминая удлинённый халатик пальцами, жадно вдыхая её запах за ушком.

— Мама хочет, чтобы мы узаконили отношения, — запыхавшись, подставляет губки для моих поцелуев, запрокидывая на меня свою ножку. — Ну, конечно, для начала нужно получить официальный развод, — мои ладони застывают на упругих ягодицах. Расфокусировано смотрю ей в лицо, пытаюсь понять иронию шутки.

— К-какой развод? Что ты несёшь? — сдавливаю кожу, отчего Соня взвизгивает и отшатывается в сторону.

— С ума сошёл?! Призраков ищешь? Сходи, прогуляйся. Может, наконец-то, увидишь, что так желаешь, — залиристо начинает смеяться, меняясь в лице, становясь злоецей, непохожей на себя.

Вдоль позвоночника скатываются липкие холодные капельки пота, когда я подхожу к мобильной медицинской палатке, где лежит Яна.

Откуда я знаю, как зовут эту девушку? Почему в моей памяти всплывает её образ, отличный от существующего?

В кармане начинает неистово печь, будто туда раскалённый металл заливают. Сую ладонь внутрь, потрясённо вынимая обратно.

— Быть такого не может, — проговариваю вслух сухими потрескавшимися губами. — Как?! — быстрым шагом

захожу в палатку и сразу направляюсь к ней. — Твоё кольцо, — протягиваю ей, сжимая кончиками пальцев. Девушка сидит на кушетке и смотрит мне в глаза пугающим до дрожи взглядом.

— Не моё, — отрицательно качает головой.

— Оно было у тебя, — настойчиво протягиваю золотой ободок. Не берёт. — Хорошо, чьё оно?

— Твоё, — дотрагивается до моей ладони. — Перестань меня искать в своих снах.

На глаза наворачиваются слёзы, осознавая, что ничего реального здесь нет. Вымышленный воссозданный мною мир.

Для таких случаев, чтобы различать, где заканчивается реальность, и наступает несуществующий мир, в котором я наиболее уязвлен — на запястье правой руки я навязал зелёную толстую нить. Её нет. Значит, я сплю.

Мои сны стали для меня кошмарами, в которых я ещё способен надеяться, визуализируя свою без вести пропавшую жену.

— Тело не нашли, — смахиваю ладонями горячие струйки солёной влаги с щёк, чтобы в следующий миг зарыться в шелковистые темные волосы своей жены. — Любима-ая, — рычу, прижимая к себе сильнее, чтобы она не смела развеяться, подобно дымке моих воспоминаний, что прошивают моё тело невидимыми холодными нитями, болезненно перенося уже в другую нереальность моего подсознания. На

следующий круг моего личного ада.

В глаза режет яркая световая вспышка. Варлан двигает фонариком из стороны в сторону, матерясь, говоря Всевышнему спасибо, снова матерясь.

— Идиот, а если бы ты сдох сейчас?! Двойная доза синтетики, — отшивыривает меня обратно на кровать. — Обдолбьши! В этот раз я тебя защищать не буду – ты вернись домой, будешь горбиться в приёмном отделении районной больницы, — синхронно вздрагиваем».

— Ну, привет, — хлопая по кнопке будильника на прикроватной тумбочке, встречаю ещё одно утро без неё.

#

Примечание от автора: флешбэк — психологическое явление, при котором у человека возникают внезапные, повторные переживания прошлого опыта или события (в том числе во сне).

Глава 2

Маргарита

— Доброе утро, мама, — резко подбираюсь, как только она спускается со второго этажа. Взгляд поднять не решаюсь, чтобы не выдать себя, чем я занималась за общим компьютером на первом этаже. Поправочка, отныне за единственным компьютером, который является окном во всемирную паутину всемогущего интернет-проводника в греховную жизнь любой девятнадцатилетней юной девушки.

— Хм, давно сидишь? — напряжённо всматривается в потухший экран монитора, встав позади меня.

— Минут десять, — лихорадочно блуждаю глазами по поверхности стола, вспоминая на какую именно вкладку кликнула, скрывая переписку на сайте знакомств с весьма милым парнем по имени «Александр».

— Мы включаем компьютер по самому необходимому, — её пальцы дотрагиваются до кнопки включения. Нажимает. Чувствую кожей, что она изучает содержимое сообщения, набранное Аняте. Нехило потряхивает от нервной дрожи, что прокатывается волной вдоль позвоночника. — Как ты можешь общаться с ней после всего? — задушевно охает, выключая не только монитор, но и принудительно завершая работу всего компьютера.

— Аня не виновата, что не смогла переступить через себя,

— закусив нижнюю губу, с силой зажмуриваю глаза. Ведь, не хотела вскрывать зарубцевавшуюся рану, но как всегда отразила-то, что могла бы замолчать.

— А может, ты и «ЕГО» защищаешь?! Может, тоже думаешь, что он правильно поступил так с нами?! — разворачивает кресло вместе со мной, нависая сверху. — Открой глаза и скажи мне, что не винишь меня во всём ЭТОМ.

Сглотнув нервный сгусток вязкой слюны, проталкиваю его через гортань, чтобы обрести возможность совершить языковой мышцей такие уже привычные движения, как проговорить вымученные слова поддержки.

Пусть, сильно преувеличенные по отношению к ней. Истинная правда её будет медленно убивать дальше, пока она не поймёт, что не живёт уже больше года, а существует, выполняя рутинные механические действия изо дня в день.

Сколько продлится её агония из-за ухода моего отца к любовнице? Сможет ли она отпустить и не проклинать каждый прожитый год с мужчиной, что растила с ним общую дочь, имела планы на далёкое совместное будущее, жила перспективами и верой в их любовь?

Время не вылечило мою маму. Оно усугубило шаткость положения домохозяйки, почти с двадцатилетним стажем заботой о доме и обо мне. Как оказалось, прожить два десятка лет с человеком – ничего не значит. Быстро собранный чемодан с вещами и пара отборных матерных слов в сторону ещё законной супруги, тому пример.

И как тут сказать правду? Никак.

— Мамочка, ну, ты такая у меня красавица, — начинаю издалека, чтобы обойти все острые возможные углы в своих словах, что могут больно ранить. — Я люблю тебя и никогда не брошу, — вот, это было лишнее. — Эм, то есть... Помнишь своих подружек? Тётя Алла так хотела позвать тебя в клуб, но ты отказала ей дважды, — выпаливаю с жаром, тараторя, как заведённый механизм проигрывателя. Дышу через раз, пальцами впиваясь в подлокотники и напряжённо всматриваясь в небесно-голубые глаза, такие же как у меня.

— Скажешь тоже, — фыркает, физически освобождая меня от своего психологического гнёта. Кислород усиленно начинает поступать в лёгкие, перезагружая организм на новый лад, блокируя внутренние эндокринные железы, чтобы те перестали производить чрезмерное количество норадреналина и кортизола, провоцируя тем самым мою парасимпатическую нервную систему. — Предыдущий поход закончился, не успев начаться, — невольно бросает свой взгляд на лодыжку. Я делаю то же самое.

Очередная порция кислорода застревает в бронхах, не раскрывая до нужного объёма лёгкие.

Щёки вспыхивают алым румянцем, при детализации своих же собственных воспоминаний.

Он занимался сексом с медсестрой, когда я искала кого-нибудь, кто сможет оказать маме медицинскую помощь. И меня застучали на месте, обличив практически сразу.

Только он не сказал ни слова. Он продолжал грубо вколачиваться в тело девушки, не стесняясь, будто ему плевать о морали и этических нормах.

Сжимая челюсти, отрицательно качаю головой. Я и так позволила себе многого. Например, прочитать десяток книг на медицинские тематики, чтобы погрузиться в мир человека, что живёт в моём подсознании. Роман живёт в моих снах.

Стону в голос, прогоняя то, что проносится перед моим внутренним взором, словно карусель. Промаргиваюсь много раз.

— Мам, я опаздываю на учёбу, — бросаю тревожный взгляд на телефон, измученно скреживая свои эмоции, чтобы она не смогла их неправильно истолковать и не стала докапываться дальше. — Тёте Алле, всё-таки набери, — пока мама обдумывает свой ответ, быстро подрываюсь на ноги, с ходу влетая в пальто и надевая ботинки на высоком толстом каблуке.

— Не пользуйся такси, — сурово изрекает она. — Сейчас каждая копейка на счету, а мне ещё за электричество нужно заплатить, — поднимает лейку с пола, направляясь с ней на кухню, чтобы уже оттуда выкрикнуть свою напутственную фразу на целый учебный день: — отцу не звони – не клянчи денег! Пусть, на свою шмару тратит!

— И тебе хорошего дня, мам, — говорю шёпотом, уже наполовину переступив порог дома.

Эта осень выдалась на редкость холодной. Дважды по-

скользнувшись и легонечко ругнувшись про себя, посматриваю по сторонам, чтобы ненароком не попасть под чью-нибудь машину.

Сажусь на скамью, укутавшись по самую переносицу в тёплый шарф, крупной вязки. Смотрю, как мимо меня в разные стороны проносятся автомобили, акцентируя своё внимание на их цвет, модели, мелькающие комбинации номерных знаков. Делаю это для того, чтобы скоротать последние пять минут своего нахождения здесь, но быстро надоедает. Тяжело вздохнув, закрываю глаза.

Не проходит и минуты, как около меня притормаживает машина. Я узнаю её из тысячи подобных, потому что лично выбирала эту красавицу в автосалоне, назвав «космическим кораблём» для нашей семьи, из троих пассажиров на борту. Все тогда смеялись. Казались счастливыми. Но всё это уже в прошлом, посыпанное пеплом из наших надежд и верой в несбыточное.

— Дочка, запрыгивай быстрее, я тороплюсь на встречу, — папа открывает мне дверь, приглашая занять пассажирское место рядом с собой. — Опаздываю жутко к этим японцам. Все из себя такие важные, — крутит растопыренными пальцами в воздухе, кривя губы в ухмылке.

— Привет, — забрасываю сумку на заднее сиденье, замечая на нем огромную коробку, перевязанную бантом. Решаю подождать с вопросами и громким девичьим визжанием. Сам подарит, как полагается. Улыбаюсь широко. Глаза

горят от нетерпения пощупать, что же мне такого мог подарить папа на мой день рождения, имея такие размеры. — Как дела? — отрываюсь от созерцания блестящей обёртки в сердечках и розового банта.

— Нормально, — пожимает плечами, набирая что-то на телефоне. А потом и вовсе всю поездку до института висит на звонках, попутно отвечая своим партнёрам по бизнесу на вопросы по предстоящей конференции с теми же японцами.

— Там, — киваю себе за спину. — Что это? — затормозив на светофоре, отец сбрасывает поступающий вызов. Проследживает мой взгляд.

— Крис, дочке моей... Хм. Ну, кукляха там со шмотьём, — отмахивается, а потом резко оборачивается и смотрит на моё искаженное слезами лицо. — Блять! Рита! — открываю дверь, чтобы в следующий миг сорваться на бег, невзирая на высоту каблуков. — Ну, дочка! Блять!.. — он не стал меня догонять, лишь дал по газам, скрываясь за поворотом.

Не замечая ничего вокруг, слепо бреду ко входу здания через пешеходный переход. Внутри наступило такое опустошение, будто внутренности звенят, отдаваясь болезненными вибрациями по всему организму, сжимая сердечную мышцу, чем-то стальным и удушающе жгучим.

— Девушка! — кто-то кричит мне в спину, желая затормозить мои движения, но как оказалось, было уже бесполезно и неминуемо. Падение. Яркая вспышка боли. И моё отчаянное желание вмиг исчезнуть, провалившись сквозь землю.

Последнее о чём я подумала, как потерять сознание: *«Меня точно отвезут в приёмное отделение районной больницы, где мои ночные кошмары, возможно, обретут человеческий образ. Я увижу его...»*

Глава 3

Маргарита

Пары аммиака улавливаются обонятельными рецепторами, оседая на слизистой оболочке носоглотки. Я знаю, что такое нашатырный спирт – использовала его для чистки ювелирных украшений недавно. Вычитала в интернете про такой способ, чтобы не обращаться к специалисту. Опять же, экономя немногочисленные деньги, которые у нас и так просачиваются, как вода сквозь пальцы. Тогда чуть не потеряла сознание от интоксикации, благо мама учуяла с порога специфический запах и прибежала ко мне на выручку. Оказывается, нужно было разбавить концентрированный раствор водой и надеть аспиратор, для таких работ в домашних условиях.

— Спящая красавица, просыпайся, — надменный женский голос звучит грубо и непривычно для моего восприятия. В моём окружении все со мной разговаривают иначе, по-доброму. Удостоверившись, что я пришла в сознание, удовлетворённо хмыкает, выкидывая в урну смоченный раствором ватный шарик.

— Почему Вы так грубы? — прикладываю все силы для того, чтобы занять сидячее положение. Как только это получается, в затылке, что-то взрывается, начинает пульсировать, отдаваясь простреливающей болью по всем участкам голо-

вы, затрагивая шейные позвонки. Вскрикиваю, возвращаясь в прежнее положение. — Мне больно, помогите... — тучная женщина, в белом халате, не торопится ко мне на помощь, продолжая делать записи, а потом и вовсе складывает руки на груди, смотря на дверь.

— Я, санитарка, — деловито начинает она. — У нас сплошные увольнения — никто за гроши работать не хочет. Молодые специалисты уходят в коммерцию, чем здесь зады старикам подтирать. Оно и понятно, — тяжело вздыхает. — Молодежи нужно ипотеку платить, подгузники детям покупать, кушать вкусно и гулять весело. А здесь невесело, здесь на кусок хлеба с икрой, вряд ли заработаешь, чтобы ложками лопать да и квартиру не купишь, чтобы не делить жилплощадь с родителями и другими родственниками, — схватившись за голову, отворачиваюсь к стене, с силой сжимая виски, в надежде компенсировать болевые ощущения, прижав пульсирующие точки. — Не помрёшь, — разряжает своим смехом пространство помещения, усиливая его еще долгие секунды эхом. — Ромашка освободится, распишется в нужном месте да и отправит тебя домой, в белоснежный замок с розовыми рюшами, чтоб людей не калечила своими витаминами в облаках.

— Я никогда-ничего-никому плохого не сделала, — говорю нарочито громко. — Ай! Голова! — перехожу на утробное мычание, сквозь сцепленные зубы.

— Водитель машины, который чудом тебя не сбил, когда

ты переходила на красный свет светофора, сейчас на операционном столе. Подушка безопасности сработала на ура, но ему от этого не лучше. Итог: единственный хирург, на весь наш небольшой округ, оперирует в поте лица, имея в напарниках лишь медсестру. — Вот, наша звёздочка пожаловала, — интонация её голоса меняется на приторно-льстивый. — Ромочка, то есть Роман Борисович.

— Пришла в себя? — боль, что циркулировала в моей голове уступает место другому, более мощному, подпитываемому исключительно гормональной системой. Каждый ритмичный удар миокарда отбивается, подобно увесистому молоту, распространяясь выше грудины, выше ротоглотки, отдаваясь вибрацией в барабанных перепонках. В ушах настоящий гул, но его слова заставляют концентрироваться только на нём и ни на чём больше. — Иди, Зой. Дальше я сам, — мне кажется или в помещении стало в разы холоднее? Судорожно выдыхаю. Получается чересчур громко.

— Фельдшер скорой нашла в её сумочке паспорт, — всеми органами чувств ощущаю, как он берёт в руки мою бордовую книжечку, открывает её, смотрит на моё фото. — Заполнила анкетные данные только до медицинской части. Побегу, Ромашка. У главного ещё нужно полы помыть, — хлопок двери вводит моё нутро в паническую атаку, улавливая любые колебания воздушных масс между мной и моим кошмаром наяву.

— Морозова Маргарита Валерьевна, — буквально насту-

паю себе на горло, разворачиваясь к нему лицом, смотря на него во все глаза. Со стороны я, скорее всего, сейчас похожа на перепуганный мультяшный персонаж с огромными глазами, но лучше так, чем трястись от неизвестности с какой стороны он ко мне подойдёт, чтобы провести осмотр.

— Это я, — прочищаю горло, прокашлявшись. Наши взгляды пересекаются – проигрываю, отвожу взгляд в сторону, покусывая зубами сухие губы.

— Как самочувствие? — садится за стол, расстёгивая полы халата. Под ним у него хирургический костюм. — Жалобы?

— Жалоб нет, — *зачем соврала? У меня же затылок печёт адским пламенем, блокируя позвоночник до зубного скрежета от боли! Это моё желание, чтобы он ко мне не прикасался, вот и всё. Дурацкая идея, Рита!*

— В карте скорой написано, что тебя оттолкнули в сторону от предполагаемого удара машины, и ты ударилась головой. На месте наложили швы, чтобы минимизировать кровотечение, — дотрагиваюсь подушечками пальцев до своих волос, обнаруживая уплотнения. Да их целых два! — Не трогай – занесёшь инфекцию. Сделаем рентген, если ничего серьёзного, то поедешь домой с обязательной явкой завтра. В палатах свободных мест нет, хотя можно положить в коридоре, — вопросительно изгибает бровь, заглядывая прямоком в мою душу, будто зная, что я не останусь здесь, будь я даже при смерти.

— Не нужно в коридоре, — через «не могу» придаю своему телу сидячее положение, не показывая виду, как мне на самом деле дискомфортно. — У меня сегодня день рождение, — говорю с грустью в голосе. — Не хочу быть одной. Дома и стены смогут согреть, а здесь совсем ничего, — ещё тише произношу, чем заслуживаю удивлённый взгляд пронзительных синих глаз, и строго поджатых в одну линию губ.

Обговорив все формальности, касательно анкетных данных, я позвонила маме, рассказав, что со мной случилось.

Роман Борисович, скорее всего, забыл меня и не помнит тот случай. Я, ведь была ребёнком, глупым и несмышлёным. Зачем поднимать вообще эти темы, создавая ещё большую неловкость?

Прождав перед рентген-кабинетом больше часа, меня умудрились дважды поторопить внутри него, сославшись на чрезмерную нагрузку на сам аппарат и количество пациентов, что отправляет к ним «здешний доктор Айболит», насмешливо называя его «Ромашкой». Ещё час проходит за ожиданием описания моего снимка. После всех метаний по этажам, я снова оказываюсь наедине со своим врачом.

— Рита-Маргарита, — бьёт округлым концом пишущей ручки по столу. — Костные структуры в норме, чего не скажешь о затемнении в затылочной области. Уверена, что дома стены обладают не только согревающим эффектом? — опять этот взгляд. Подвисяю на нём. Разглядываю его глаза, вплоть до мелких серых прожилок. Сглатываю.

Я помню и другой взгляд...

— Эффект плацебо, весьма спорный медицинский факт, но я склонна ему доверять, чем опровергать, — заламываю пальцы, расфокусировано смотря сквозь них.

— Нужно ещё сделать УЗИ, — набирает кому-то по стационарному телефону, строгим тоном сообщая, что от него придёт пациента с подозрением на ушиб.

Только я хочу запаниковать, вспоминая, что этот термин может в себе содержать и какую опасность составлять для моего здоровья, в дверь влетает моя мама, а за ней плетётся рассерженный отец. Роман и бровью не повёл, продолжая держать трубку телефона возле уха.

— К блядине своей торопился, раз дочку не смог нормально довести без приключений, — закрыв рот ладонью, ошарашенно смотрю на Рому.

Про себя я так могу его называть. Мне никто не сможет запретить.

— Рот закрой! — рывкает на неё папа. — Забыл я про её день рождение! Каюсь, — разводит руками в стороны.

— Лучше бы это случилось с тобой! А мне лекарства покупать на какие шиши?! — не уступает ему она. — Дочка общая! Или другая семья стала ближе? — обиженно выплевывает эту фразу мама.

— Мам, пап... — пищу, сгорая от стыда я. — Вы в больнице.

— По его вине! — гордо вздёрнув подбородок, мама тол-

кает его плечом, сокращая между нами дистанцию.

— Ну, мам, — с надеждой смотрю на неё, чтобы благоразумие взяло над ней верх, с учётом того, где они находятся.

Пока я мысленно нахожусь между двух огней, мечтая забрать всю мамину боль из-за предательства отца и его ухода из семьи, тем самым затушить пожар, бушующий не первый год, разгораемый всё больше из-за общих обвинений, кто-то решает одним махом прекратить этот цирк, заставив встрепенуться родителей.

— Варлан, девушку оформи в травме, — громко, без колебаний в голосе произносит в трубку, невзирая на мой отказ от госпитализации, подписанный мною собственноручно. — И ещё... Ампулы из Америки не трогай. Да. Нужны минимум две. Свиридов может и перетерпеть. Неважно, — последнее сказано с нажимом, а глаза вмиг становятся стеклянными и безжизненными. Вешает трубку, разворачиваясь к родителям.

— Часы посещения у нас с четырёх, — вроде ничего такого не сказал – дело в том, как он это сказал.

Мурашки бегут по телу, нутро подчиняется тембру его голоса, безоговорочным подчинением заполняя каждую клеточку моего организма, заставляя меня зачеркнуть мою же подпись на листке бумаги «отказ от госпитализации».

— У меня такие связи, молодой человек, — папа держит руки в карманах, бросая ему вызов.

— Тем более, мы её родители, — спохватывается мама,

поддерживая оппозицию отца.

— Мне плевать, — сощутив глаза, наблюдает за мной. — Рита... — достает маленький фонарик из кармана халата, максимально склоняясь через стол ко мне. Водит световым лучом из стороны в сторону. — Зрачки разные.

— Что с нашей дочерью? Что всё это значит? Боже.. — тарыхтит мама, нависая надо мной.

— Это означает, что вы должны немедленно покинуть мой кабинет, потому что дважды я повторять не привык, — бросив раздраженный взгляд на моих родителей, полностью сосредотачивается на мне, заряжая своим профессионализмом, внушая веру в свои действия.

Глава 4

Маргарита

— Привет, — Стас задерживается в проёме двери, виновато потупив взгляд. — Твоя мама посетовала моей, что ты находишься здесь второй день, и мне надо бы к тебе заехать, проведать, — в его руках огромный букет белых роз, бутоны которых задевают ещё невымытый больничный пол. Медсестра как-то намекнула, что пациенты могут и сами помыть полы, раз такие чисто плотные, но мой лечащий врач в травматологии, Варланов Тимофей Георгиевич, покрутил около виска пальцем, сказав, что я обладаю всеми признаками альтруизма, и наказал соблюдать постельный режим, покидая больничную койку лишь по нужде.

— Проходи, — присаживаюсь на край, свесив ноги. — Правда, у меня вазы нет, чтобы цветы в воду поставить, — поджав губы, киваю на стул.

— Не подумал, — кладет букет на тумбочку. Разворачивает стул спинкой ко мне. Садится. — Рит, я виноват. Очень виноват. Когда услышал про тебя такие новости, решил предложить попробовать всё с начала. Я изменился, — обхватывает мою ледяную ладонь, прижимаясь к ней горячими губами. Такой контраст температур вызывает крупную дрожь по моему телу. Заметно передёргиваю плечами от непроизвольной судороги.

— Ты же знаешь, почему расстались мои родители, — тяжело вздыхаю, на несколько секунд прикрыв глаза. — Какие отношения нас ждут? — подтягиваю колени к подбородку, ступнями упираясь в металлическую основу больничной кровати, продолжая держать его за руку.

— Я постараюсь загладить свою вину. Прошу, дай мне ещё один шанс, — его голос звучит ласково, с приятными бархатными нотками, что совершенно неправдоподобно. Таким же тоном он оправдывался, когда я застучала его с другой девушкой, придумывая на ходу, почему у неё задрана юбка, а на её оголённом бедре находится его ладонь.

Облизав губы, я не подавала никаких знаков, чтобы он полез ко мне целоваться. Однако, восприняв мои действия на свой манер, мой бывший парень собственническим поцелуем раздвигает мои губы, проталкивая свой язык мне в рот.

Вихрь из протеста и негодования вздымается из глубины моей души, набираясь самых противоречивых чувств на подкорках моих воспоминаний. Бью его ладонями по плечам, чтобы прекратил всё это немедленно. Ну, куда там! Последнее, что предпринимаю – кусаю за язык. Сначала слегка, а потом ещё раз, не жалея его владельца.

— С ума сошла? — непонимающе смотрит на меня он. — Ты мне больше нравилась, когда... — захлопывает рот, резко обернувшись в сторону двери.

В палату быстрым шагом проходит постовая медсестра, суёт мне в руки градусник и также спешно ретируется обрат-

но, не сказав ни слова. Видимо, здесь так положено.

— Я прошу тебя, уйди, — сую холодный градусник под мышку, плотно прижимая к своему телу.

— Рит, я знаю, что у вас есть проблемы с деньгами, — открывает бумажник, протягивая мне пару пятитысячных купюр. — На лечение, — отрицательно кручу головой, отвергая его помощь. — На этом всё? — более раздраженно интересуется Стас, бросая на меня суровый взгляд. — Для тебя всё кончено?

— Ужасно, что ты не понимаешь суть проблемы, переваливая львиную часть своей вины на здоровую голову, — поколебавшись, он ещё раз просит подумать о «нас» и не рубить сплеча. Ничего не ответив, ложусь обратно в кровать, демонстративно развернувшись к нему спиной.

После завтрака постовая медсестра сообщает, что мне назначены уколы. Посадив меня перед процедурным кабинетом, строго наказывает дождаться свою коллегу и никуда не уходить.

— Оборзели совсем уже эти «бюджетники», — грубо чертыхается пожилой седовласый мужчина, в клетчатой рубашке, разговаривая по телефону. — Небось на лапу дали, — украдкой посматривает меня, закрывая рукой динамик. Закатываю глаза. Встаю, чтобы не смущать старичка своим присутствием.

— Свиридов, уже на вахте? — из кабинета высовывается миловидная девушка, поправляя на голове белоснежную

медицинскую шапочку. — Проходи, — мужчина спешно заканчивает разговор, добродушно ей улыбаясь. — Морозова, следом зайдешь, — утвердительно киваю я.

На задворках сознания мелькает знакомая фамилия «Свиридов», но решаю не придавать этому значения, и не загружать свой мозг ненужной информацией. Как только мужчина выходит, захожу следом, присаживаюсь на кушетку, внимательно рассматривая кабинет изнутри. Медсестра просит меня занять лежачее положение, так как препарат серьёзный — может наступить лёгкое головокружение или упасть давление. Подкладывает под локоть правой руки валик, накладывает жгут.

— Лекарство дорожущее, — медленно вводит препарат в вену; через каждые пять секунд останавливается, оценивая моё состояние. — Свиридов всю администрацию на уши поставит, что терапия досталась не ему.

— О чём вы? — непонимающе смотрю ей в лицо.

— Наш «Айболит» задвинул старика, сказав, что квота на бесплатное лечение ещё не готова, — хмуро сдвигаю брови к переносице. — Ну, девочка, соображай. Родня твоя подсуетилась и купила лекарство у больницы, — ещё больше удивляюсь её словам. Ни мама ни папа ничего подобного не говорили по телефону. Родительница бы точно не смолчала на этот счёт. — Закончим здесь, иди сразу в палату, врачебный обход будет.

На этом самом «обходе» я ждала чего-то большего, чем

наскоро забежавного Тимофея Георгиевича, спросившего, как моё самочувствие и про возможные новые жалобы; также предупредил меня, что мне придётся остаться здесь на ещё одну ночь.

Не успев раскрыть рот для своего одного единственного вопроса – от него и след простыл. Удивительная профессия... В постоянных «бегах» как суперлюди, из мистических вселенных. Для меня всё это очень сложно и непостижимо.

Мне удаётся его подловить перед самым ужином, когда он неспешно прохаживался со стопкой карт мимо моей палаты.

— Тимофей Георгиевич, — окликаю его. — Я хочу вас кое о чём спросить, — начинаю мямлить. Мысленно одёргиваю себя за это.

— Домой не отпущу, — продолжает идти. — Морозова, отдыхайте, — отмахивается от меня.

— Мои родители ничего не оплачивали, — иду на маленькую ложь. Папе я хотела набрать чуть позже. — Это сделал Роман Борисович? — своим вопросом заслуживаю скучающий взгляд, без тени удивления.

— Рита, иди в палату, — останавливается. — Завтра выпишу тебя домой, сразу после второго укола. Надеюсь, тебя есть кому отвезти обратно.

Ворочаясь с боку на бок, долго не могла уснуть. Меня распирало от любопытства, почему чужой человек захотел за меня заплатить, при этом оставаясь в «тени»? Если бы не болтливая медсестра, то я бы уже спала, а не страдала до-

мыслями, полных загадок.

Устроившись удобно на подоконнике, наблюдаю как на оконное стекло брызгают струйки дождя, постукивая по нему.

Слышала украдкой разговор между медсёстрами, что Ярцев сегодня на ночном дежурстве. И, если отбросить все сомнения, я имею право знать на каком основании он решил заплатить за меня, не спросив. Может для Свиридова это лекарство было последним лучом света на пути к исцелению, а я нагло украла у него этот шанс, не подозревая даже о таком. Спрыгнув с подоконника, практически бесшумно покидаю свою палату, направляясь к лестнице.

*Его кабинет расположен в самом конце – всё, как я помню**. Остановившись в метре от открытой двери, замираю. Если открыто-то... ? Не время трусить, Рита! Вперёд!

— Здравствуйте. Я пришла узнать, почему... — Рома останавливает меня жестом руки, смотря как на столе вращается золотой ободок кольца, сверкая глянцевой обтекаемой формой в тусклом освещении кабинета.

Он, что женат? Почему, тогда вчера утром на нём его не было?

— Почему вы за меня заплатили? — невзирая на его немую просьбу замолчать, решаю завершить свой вопрос я.

— Ты не в первый раз здесь, — отрывает свой взгляд от кольца, что уже как доли секунды покоится на горизонтальной поверхности. Его глаза, словно подсвечиваются изнутри,

делая облик Ромы загадочно-притягательным. — Рита-Маргарита.

— Я была ребёнком, — готова себе по лбу дать, с лёту признаваясь во всём, вмиг покрываясь багровыми пятнами от воспоминаний. — И не должна была входить без спроса, признаю.

— Прямолинейная, — хмыкает он, пряча в карман золотой ободок. — Этого хочешь и от меня?

— Да. Наверное, да, — задумчиво тяну я, ожидая открытий.

— Тебя ждет разочарование, — откидывается на спинку кресла, заложив руки за голову. Полы халата разъезжаются в стороны, оголяя мускулистую грудь. Шокировано опускаю взгляд в пол. — Свиридову не долго осталось жить. Максимум месяц-два. И этот старый ублюдок выбил бы квоту на это лекарство, что продлило бы его существование еще на пару месяцев.

— Ты... Вы... К-как вы м-можете р-решать кому и сколько жить? — заикаясь, примеряю на себя состояние того мужчины, заставляя себя на своей шкуре прочувствовать всё отчаяние, что он, возможно, испытал. — Вы украли у него эти месяцы.

— Это отбор, — равнодушно пожимает плечами. — Я выбрал более молодой перспективный на выздоровление организм, — механическим голосом разъясняет свои доводы он.

— Вы украли надежду, — разворачиваюсь на звук при-

ближающихся шагов. На меня смотрит та самая процедурная медсестра, с поникшей улыбкой на лице. Именно ей я передала цветы от Стаса. — Надежду на ещё одно утро с любимым человеком.

Глава 5

Роман

— Спина разболелась некстати, — Варлан вымученно меняет положение своего тела, потягиваясь плечевым корпусом вверх. — Ещё одну ночь в гараже без отопления я не переживу.

— У жены кто-то появился? — поднимаю взгляд поверх монитора.

— Сын бы о таком не смолчал, — сцепив зубы, вновь погружается в больничные карты он. — Забыл, — на его лице мгновенно появляется саркастическая ухмылка. — Таня, процедурная медсестричка, что так любит общие с тобой смены, — гадёныш не скрывает своего подкола, подмигнув мне. — Прибежала час назад ко мне в кабинет вся на нервах, взволнованно сообщив, что Морозова наотрез отказывается, чтобы та ввела ей лекарство. Девчонка предостерегла её тем, что будет кричать на всё отделение, но не позволит к ней прикоснуться, — делает паузу. — Сейчас заполню выписку, раз моей пациентке резко полегчало.

— Дополнительные обследования ты делал, чтобы проанализировать динамику эффективности лечения?

Вы украли надежду... Надежду на ещё одно утро с любимым человеком...

— Знал, что спросишь, — не отрываясь от работы, про-

должает говорить: — девица и слушать не захотела меня, заверяя, что опасность миновала, а дальше сможет дома пропить курс лекарств, которые я ей пропишу. Очередь из приёмника пополнит ряды моего отделения. В накладе не останусь.

— Что планируешь прописать? — прикидываю, какой аналог можно посоветовать.

— Яр, ты тоже подался в альтруисты? Ладно девчонка маленькая, розовые очки за уши притянуты, что не отодрать, пока в пекло не бросить. Но, ты... Прожженный до основания материи. Зачем оплатил лечение, когда её собственные родители палец об палец не ударили? — складывает руки на столе в замок, внимательно смотря мне в глаза.

— Решил не переводить столь ценный препарат понапрасну, — подмигиваю в ответ я. — И оценить его превосходство над отечественными аналогами, — вполне логично заключаю свои доводы.

— Только поэтому? — недоверчиво склоняет голову набок. — Девица, как раз в «твоём вкусе».

— Только, «поэтому» я спросил у тебя про дополнительные обследования перед выпиской. Одна доза могла колоссально растворить гематому, усилив кислородное насыщение, а ты добровольно лишился показательной статистики для дальнейшего мониторинга. Никому лучше не станет в данной ситуации – ни ей, ни старику. «Ни дать ни взять», вот, что мы имеем – так в отчёте и запишем, — произношу с

нажимом. — Свиридова обрадуй. Ненадолго... — от эмоций бью по клавишам, вспоминая взгляд девушки, перед тем как она покинула мой кабинет этой ночью.

Я хотел, чтобы она во мне разочаровалась – мне это удалось. Второй раз.

Меня и Риту связывает одно ужасное обстоятельство, прямиком из прошлого. Я только вернулся на Родину, месяца не прошло. Оголённые нервы, мандраж, специфические реакции и свойственное ему поведение. Маленькая девчонка застала меня в тот момент, когда я был обдолбан и трахал медсестру на том самом столе, за которым сейчас сидит Варлан. Она была подобно ангелу, что смотрел на меня своими серебристыми глазами. Не отвела взгляд, когда я брал, как животное женское тело. В её «озёрах» я увидел отражение самого себя со стороны. Это было ужасно. Меня выворачивало в туалете до ломоты в костях, судорог, жжения пищевода, но мне пришлось пересилить себя и выполнить свои прямые врачебные обязанности – провести осмотр мамы Риты, при этом сторяя со стыда изнутри перед её дочерью.

Она не в «моём вкусе». Она антипод тому, к чему я так привык, чем до сих пор безусловно одержим.

— Слушай, давай сегодня по пиву? — предлагаю сходу, разбавляя свои мыслительные метания обычным предложением сбросить напряжение после работы. — Или под дверью квартиры жены будешь ошиваться, в надежде на приют?

— Ром, — удивлённо вскидываю брови вверх. Он редко

зовёт меня по имени, значит за живое его задел. — Я не верю, что Милка сможет меня бросить. Ладно раньше меня не было дома по полгода, но сейчас я здесь, с ней. Люблю её.

— Готовь выписку, — устало потираю переносицу я. — В остальном извини, не советчик, — Варлан, пробурчав себе под нос едкие дружеские высказывания в мою сторону, углубляется в свою писанину, больше не отвлекаясь, как и я.

После вечернего обхода по отделению, спускаюсь вниз, на первый этаж. Здесь практически нет людей, за исключением «постоянных клиентов». Прохожу в смотровую, запираюсь; включаю телевизор. У меня есть немного времени, чтобы выдохнуть после тяжёлого рабочего дня, погрузившись в очередную смену, за которую мне не заплатят. Меня попросту не тянет в двухкомнатную обшарпанную квартирку на окраине города, да и Варлан выбрал себе компанию жены.

«... По предварительным данным в ходе спецоперации удалось обезвредить двоих боевиков, одного ликвидировали на месте, что касается остальных – им удалось оторваться от преследования, но за черту города им не выехать. Главные дороги перекрыты до особого распоряжения», — сообщает «голова» с местного телевидения.

В ладони вибрирует телефон. На автомате принимаю вызов.

— Брат, что же ты свою матушку не навещаешь после работы? — южный акцент царапает слуховые рецепторы; непроизвольно сжимаю в кулак свободную руку.

— Не трогай её, — прошу искренне. — У нас взаимовыгодные отношения.

— По-твоему я мразь конченная, чтобы женщину обижать?!

— Нет, иначе бы этого разговора не было.

— У запасника тебя ждёт наш человек – надо зашить. Другого – законсервировать.

— Понял, — собираюсь сбросить вызов, но Багир в этот раз удивляет:

— Человечек даст тебе пригласительные на аукцион, 1+1, — издаёт смешок. — Девочки, все дела...

— Мне это не интересно.

— Там будет Карим, брат. Если кто знает о твоей жене, то только он сможет пролить свет, где найти её саму или её тело, придав земле и освободив тебя от пут обещаний мне. Ты не перестанешь искать, пока окончательно не поймёшь, что ищешь пепел воспоминаний.

Приняв человека от Багира, тайно провожу осмотр во второй операционной, извлекая из тела наёмника пулю. Рентген сделать уже не смогу – поднимется шумиха, а я не могу лишиться этого места работы, лишиться надежды на ещё один пазл из общей картины информации о Яне, или же... Даже думать не хочу, потому что уверен, что она жива.

— Как новенький, — радуется Азат. — Просили передать, — протягивает лакированную прямоугольную коробку. Открываю. — Два билета. Ваше именное.

— Что за аукцион?

— Это прикрытие того, что хочет проверить Карим здесь, которое пройдёт в приятной компании тёлочек, — расплываясь в улыбке, мечтательно закатывает глаза он.

— «Приватный ужин... », — кривлю губы в улыбке. — Зачётное прикрытие, — поднимаю два пальца вверх я.

— Пацана жалко, — кивает на труп. — Аллах забрал его душу.

— Его воля, — пробежавшись глазами по пригласительному, запоминаю дату, время, место, чтобы сразу согласовать с начальством расписание ночных дежурств по табельному. — И у каждой души есть своё предназначение.

Глава 6

Маргарита

— Маргарита, — понуро опустив широкие плечи вниз, наш декан опасливо бросает на меня взгляд. Мало ли решу разреветься да ещё у него в кабинете. — Я ничего не смог сделать. Ты сама виновата в том, что едва успеваешь за основным составом бюджетников, пропуская лекции, семинары, а они готовы ночевать здесь, чтобы держаться за свои места.

— По уважительной причине, — мой голос пропитан едким чувством безысходности, чтобы я сейчас ни сказала — это уже ничего не значит, мне вынесли приговор.

— У меня приказ сократить бюджетные места на десять процентов. К сожалению ты вошла в этот процент, — поправляя очки на переносице, встаёт с кресла он. — Твой отец, обеспеченный человек. Не вижу оснований для развития драматического сюжета. Подтянешь учёбу — снова подавай документы на бюджет. Может быть через годик всё разрешится в твою пользу.

— Как же повышенная стипендия? — закусив изнутри щеку, смотрю на декана с нескрываемой враждой. Такие эмоции внутри меня бушуют. Потряхивает, словно мои ступни опущены в ледяную воду, а рядом высоковольтный кабель прокладывают. Чуть-чуть и я взорвусь. Прямо здесь. За сто-

лом декана. Сорвусь на рыдание. Встряхиваю головой, прогоняя все мысли, чтобы там не осталось ни одной.

— Деточка, ну, какая стипендия у платников? Чудеса чудесные рассказываешь, — хохотнув, быстро принимает серьезный вид он. — Оплата семестра до первых чисел октября. Не пропускай платёж, иначе будешь не допущена к зачётам и к экзаменам.

Чувство дурноты накатывает, сделать вдох полной грудью не получается. Комок биомассы разрывается, где-то за за грудиной, разлагая пищевод жгуче-едким жжением. Низ живота от нервного перенапряжения скручивает в тугий узел, до боли, до выступающих слёз. Поднявшись со стула, рывком подбираю сумку с пола, громко хлопнув дверью напоследок.

Так будущие педагоги себя не ведут... Или ведут? Я же обычный человек, с присущей ему эмоциональностью и чувствительностью, а ещё со склонностью к сгоряча необдуманным поступкам.

Надеюсь, декан простит мою выходку, совершенную на эмоциях.

— Пап, привет, — умывшись ледяной водой, сразу набираю ему я. — Меня сняли с бюджета, — рвано выдыхаю в трубку. Пальцы рук подрагивают от переживаний внутри меня, сметая напрочь мою уверенность в завтрашнем дне. Я же папина дочка, у меня были самые лучшие куклы, косметика, платья.

Единственной моей мечтой было встретить того са-

мого, веря безгранично в нереальные чудеса нашей Вселенной, растворившись в родительской любви; чтобы потом неожиданно получить обухом по своей наивной голове, стирая розовое напыление со своих глаз.

— Зашквар на работе, Рит, — шикает в трубку на кого-то он. — Чего хотела?

— Чего я «хотела»? — потрясённо смотрю на себя в зеркало, непроизвольно дотрагиваясь до щёк, трогая себя, щупая. Злость огненным рёвом проносится по артериям, венам, просачиваясь в капилляры, поглощая всю мою телесную оболочку. Облокачиваюсь одной рукой на пьедестал раковины, не сводя опустошённого взгляда со своего холодного зеркального отражения. — Я, Рита, твоя дочь. Единственная, — уточняю, прикрыв глаза. Ощущаю как трепещут мои ресницы от раздражающих душу эмоций. Так даже при разводе родителей не было.

Это всё «он». Воспламеняет меня через расстояния, просочившись в нейроны. Рома меня не разочаровал, он показал мне реальный мир и указал на чёткое определение «хищник-жертва». Я была условным хищником, под опекой более сильного и властного по своей значимости.

— Мне нужны деньги на учебу. Пожалуйста, — заканчиваю свой хаотичный рой мыслей я.

— Такое фееричное вступление, чтобы закончить мямлящим «пожалуйста»? — страх забирается под кожу, судорогой омывая всё тело. Отец включает деловой тон, свойствен-

ный любому циничному бизнесмену, что видит перед собой только результат, и неважно кто стоит на его пути. — Прежде чем мне в трубку заявлять свои хотелки, дважды бы подумала, неблагодарная. Живёт в особняке с дурой-матерью, что палец об палец в жизни не ударила, а я тут вкалываю, чтобы содержать вас. Абзац! Крутитесь как хотите, хоть дом продайте и живите в лачуге!

Из-под ресниц выкатываются первые слёзы, спазм нарастает. Отрицательно качаю головой из стороны в сторону, отвергая его слова. Нутро не принимает.

Я не Аня. У меня даже в зачатках такого нет, чтобы раздуть немного искры. Она смогла сорваться и уехать. Жить свободно. Жить как хочется.

Я же боюсь неизвестности. Она меня пугает. А ещё больше пугает разговор с мамой, которой нужно сообщить, что теперь мы на самообеспечении. Меня ждёт ад, и мне его устроят по полной программе.

— Что делаешь? — подбородок Лолы, моей одноклассницы, упирается в моё плечо, а взгляд девушки заинтересованно направлен на экран моего мобильного. — Работу ищешь? Официантка... Бр-р, — морщит нос она, возвращаясь обратно на своё место.

— Тише, — шикаю на неё я. — Алла Альбертовна ещё услышит, — предостерегающе перевожу взгляд на преподавателя по нашему профильному предмету.

— Староста всем уже напела, что с бюджета ты соскочила,

— цокает языком, явно забывая, где она сейчас находится.
— Видимо, денег нет у папы в кошелёчке, — нараспев произносит, загоня свою непрошеную осведомлённость прямоком в мои уши. — Ты так рыдала в туалете, явно не из-за избытка кэша на своём счету.

Что я знаю о Лоле? Мы не подружки, чтобы вдруг начать общаться по душам; перекидывались рядовыми фразами на практических занятиях да здоровались по случаю. А тут я услышала на порядок слов больше из её уст, чем за прошедший первый год обучения.

Мечусь взглядом по свободным местам, но их попросту нет.

— Не твоё дело, — тушу экран мобильного, пряча в карман джинс. — Сама разберусь.

— Вот, — протягивает мне визитку с ярким запоминающимся названием. — Я уже год там работаю.

— Ты спишь с мужчинами за деньги? — говорю шёпотом ей. — Забери немедленно, — отодвигаю от себя обратно к ней.

— Если я хочу заняться сексом, то происходит это бесплатно и с огромным удовольствием для двоих, — щёки жаром наливаются, проваливаясь в воспоминания двухлетней давности.

Я видела как можно заниматься сексом, но там я удовольствия не видела, только потребление со стороны мужчины.

Опять я думаю о Роме, забывая про свою скудную сексуальную жизнь, будто мне и вспомнить нечего. Может и есть... Только мне это не принесёт радостных воспоминаний.

— Убери! — прошу с нажимом я. — Можно найти другую работу, не занимаясь подобным.

— Модельный бизнес – это не эскорт и не проституция, Рит. Пройтись, показать себя, поулыбаться на камеру... Ты очень фотогенична. Мой агент случайно увидел тебя на общих снимках. На нашем импровизированном субботнике, — уточняет она под моим вопросительным взглядом. — Ты ему зашла. Тут и случай подвернулся, чтоб тебя сподвигнуть.

— Я хочу жизнь педагогике посвятить, а не глянцевому развороту, скатившись до порносайтов, — Лола лишь усмеяется, передвигая мне обратно визитку своего «агентства».

Вернувшись домой, я увидела на холодильнике под магнитом записку от мамы с посланием, что она вернётся не скоро. У неё внеочередное посещение салона красоты, где она потратит уйму сэкономленных денег на мне, на еде, на уборке, игнорируя наши финансовые трудности в угоду себе любимой.

Может отец прав, что мы живём на широкую ногу, считая, что до сих пор находимся в ролях единственной любимой дочери и вечно молодящейся жены успешного бизнесмена? Всё давно изменилось.

Ещё один слой невидимой розовой пудры сдувается с моей

ментальной оболочки, обозревая этот мир уже под другим углом.

Мама возвращается домой почти через три часа с лучезарной улыбкой на лице. Заметив меня сидящей в высоком широком кресле, притормаживает.

— Нужно поговорить, — киваю я на соседнее кресло. — Тебе лучше присесть, — обновлённые наманикюренные пальцы впиваются в обшивку кресла, а сияющая улыбка сходит с её лица. Она занимает предложенное мной положение.

Рассказывая всё дословно, мама внимательно смотрела на меня, опускала глаза в пол, потом вновь поднимала их, чтобы восстановить утерянный зрительный контакт. Поднявшись на ноги, она делает пару шагов ко мне, чтобы в следующую секунду залепить звонкую пощечину.

И мы обе понимаем, что прежний мир окончательно рухнул, сжигая до тла любые надежды на прежнюю жизнь.

Глава 7

Маргарита

— Есть свободная минутка, красotka? — парень, со стильной укладкой и в брендовой одежде, ловит мою ладонь, пригвождая к столу. От неожиданности охаю, прижимая к себе пустой поднос. — Щедрые чаевые оставляю, — испуганно перевожу взгляд на Олю, что стоит напротив другого ВИП стола, но она сразу отворачивается, как только наши взгляды пересекаются, зашторивая бархатные полотна, отделяя нас.

— Пустите, — произношу шёпотом я, чтобы не привлекать излишнее внимание посетителей. — Пожалуйста.

— Целка, что ли? Чего так дрожишь? — тянет мою руку на себя... Не могу сопротивляться, силы неравнозначны. Припадаю к мерзавцу на бедро. — Я девушек не обижаю, — шумно втягивает мой запах за ушком он. Съеживаюсь по максимуму, закрываясь от своего обидчика.

— Меня ждут другие столики, — мямлю в пол я, боясь поднять взгляд. — Прошу, — парень, видимо, не понимает, почему я ему отказываю, поэтому решает меня освободить от своей хватки на моём запястье. Та же Ольга не гнушается быстротечными романами с посетителями нашего заведения.

— Раз ждут – иди, — вот, теперь я решаюсь посмотреть ему прямо в лицо. Скрещиваемся взглядами. Глаза в глаза.

С его красивого лица сходит лукавая ухмылка, а в меру пухлые губы слегка приоткрываются. — Как тебя зовут, Золушка? — вспомнив, что я забыла в раздевалке нацепить на блузу бейджик, за который может прилететь штраф, если администратор увидит, соскакиваю с его колен, чтобы умчаться прочь.

Забежав в раздевалку, дрожащими от волнения пальцами пристёгиваю ненавистный пластиковый прямоугольник со своим именем. Как назло побыть одной и украсть у рабочей смены пару минуток для отдыха не получается.

— Ты чего здесь? — Надя обеспокоенно всматривается в моё лицо, распахивая настежь дверь.

— Бейджик забыла, — поправляю одежду на себе. — Надь, подмени меня за первым столом, — густо покраснев, закусываю губы.

— Титов тебя смутил? — её улыбка, буквально ползёт до ушей. — Мажорчик, сын банкира. Окей, как раз может приметить меня. Обычно этот столик Оли, но администратор, когда заметил, что та активно флиртует с клиентом – быстренько перетусовал столы, — проверяет в маленьком карманном зеркальце ровно ли лежит тон на её лице и достаточно ли слоёв помады на губах.

— Мне неважно чей он сын, я здесь ради другого, — выговариваю немного ей в укор.

— Да-да, из-за сугубо высоких побуждений, — кривится её рот в улыбке. — Пошла, я короче.

В конце рабочего дня наш «дружный» коллектив собирается за барной стойкой, чтобы поделить месячную выручку по чаевым, которую мы все складываем в одну большую прозрачную стеклянную копилку, похожую на сферу.

— Тоша, Егор, Надя, Вика, Тимур, Оля, — раздает белые конверты Борис, наш администратор. — Рита, ты у нас новичок. И этот месяц полностью не отработала по сменам, так, что на тридцать пять процентов меньше, чем у остальных, — опустив глаза вниз в приоткрытый конверт, хочется сразу зажать рот ладонью и взвыть от негодования.

— Я так... Я так, — губы нервно подрагивают, а мозговая активность усердно готовится для выполнения моих заданных команд, в виде электрических импульсов и волевых решений, но быстро сдаётся, а слёзы ручейками брызгают наружу, как защитный механизм от перегрузок. — Мне за учёбу платить, а я так надеялась...

— В следующем месяце заплатишь, — хмыкает он, пряча в карман свою долю. — Какие твои годы. Можно и в академ уйти, сославшись на финансовую нестабильность, — заставляю свой разум подавить внутреннее неконтролируемое восстание и засунуть свои несбывшиеся надежды, куда поглубже, снисходительно при этом улыбаясь.

Следующий день начинается как обычно – с маминых причитаний, с обязательным указанием дневного лимита денежных средств. Нам пришлось его срезать до минимального, сократив употребление легкоусвояемых углеводов до

критически допустимых значений для организма.

Преодолев расстояние дом-лекционный класс в институте, занимаю последнюю парту, сладко зевая.

— Совместительство на пользу тебе не идёт, — Лола присаживается на соседний стул сбоку от меня. — Кожа испортилась.

— Лола, можешь пересесть? — растираю глаза подушечками пальцев, слегка надавливая на закрытые верхние веки. — Смена в ресторане была тяжелой.

— Ну-ну, — подхватывает свою сумку с парты. — Староста просила передать, чтобы ты зашла перед лекцией в деканат. Там, что-то с оплатой связано за семестр, — чувствую, как озноб проходит вдоль по позвоночнику, как проступают первые капельки холодного липкого пота, склеивая мою озябшую кожу с шелковым топом под укороченным пиджаком.

— Спасибо, — с силой выдавливаю из себя я, дёрнув уголками губ вверх.

— Всегда пожалуйста, — иронично передразнивает мой голос она.

Извинившись перед преподавателем за опоздание, нахожу глазами нужную мне парту, и мысленно закатываю глаза, увидя ослепительную белозубую улыбку на её лице. Присаживаюсь рядом. Достаю учебник, тетрадь для конспекта, ручку.

— Что мне может предложить твой агент, чтобы погасить

половину взноса за учёбу? — тяжело вздохнув, произношу шёпотом, не отрывая взгляда от интерактивной доски.

— Аукцион, — с радостными нотками в голосе отвечает Лола. — Бомбическое событие, на котором можно показать себя во всей своей красе.

— Аукцион? — переспрашиваю, повернувшись к ней лицом. — Меня купят, как товар?! — преподаватель смотрит в нашу сторону. Моментально изображаю на своём лице заинтересованность по текущей лекции.

— Не совсем, но эта интрига того стоит, — опускает взгляд в тетрадь, записывая определение метаморфозам различного периода эмоционального и физического развития в детском возрасте. — Весомым кэшем на твоей карте, — заканчивает свою фразу она.

Гл

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.